

Медведев В

арт

1985

люди и судьбы

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ

Говорят, «когда пушки стреляют, музы молчат». Но шла война, и произведения советских поэтов, композиторов, драматургов звучали на всех фронтах Великой Отечественной.

Воспоминаниями о тех далеких днях делится сегодня с нами народный артист РСФСР, актер Театра им. М. Н. Ермоловой Ю. МЕДВЕДЕВ.

БУХАРЕСТ сорок четвертого. Около гостиницы огромная толпа любопытных. Мы выгружаем из грузовиков театральные реквизиты. Румыны недоумевали: вокруг война, гибнут люди, взлетают в воздух мосты. Всего лишь несколько дней назад и на окраинах Бухареста шли уличные бои. И вдруг: костюмы, декорации, грим...

А я помню, как в самом начале войны актеры стремились попасть во фронтовую бригаду. И конкурс был тогда огромный. Мне повезло: сразу после окончания Московского городского театрального училища я стал актером фронтового комсомольско-молодежного театра ВТО.

Не вдруг привыкли играть в условиях фронта. Если честно, поначалу было страшно.

Однажды перелеском шли на командный пункт. Лето. Соловьи заливаются. Совсем как в мирное время... Мы рассуждали о том, как повели бы себя, окажись здесь внешне запно немцы. Выдвигались всяческие смелые варианты, ведь многие из нас уже научились стрелять. И вдруг — автоматная очередь! Вмиг на дороге никого не оказалось: все лежали в канаве... Пауза затянулась. А через несколько минут из кустов вышла одна из актрис и объявила, что спектакль окончен. Неудачная это была шутка... А нам, признаться, стыдно стало друг перед другом за наши разговоры о героизме. И к выстрелам, и к смерти, и к взрывам надо было еще привыкнуть. К условиям работы — тоже.

Фронтовые подмостки отличались от театра или концертного зала. Трудно сначала было играть, например, вечерние сцены в дневное время. Да и у зрительного зала не было стен: поля, леса — вот его границы. Подует ветерок, и звук улетает куда-то: приходилось напрягать голос, чтобы тебя услышал зритель. А ведь мы не один спектакль в день играли, случалось, выступали по три-четыре раза. Уставали здорово.

Театральной площадкой могла быть и русская хата, и полутемная землянка, и лужайка возле пруда, где всегда не к месту квакали лягушки. И ничто не помогало: ни привычных театральных аксессуаров, ни кулис, ни света,

ни тишины. Ты — как перст перед зрителем. И выкладываешься на всю катушку, понастоящему. Иначе зритель не поверит.

Из-за рампы в театре иногда можно потерять чувство зрителя. А там это было невозможно. Он находился в том же освещении, что и ты. Ты видел его глаза, видел реакцию на свою игру. И я уверен — именно их увлеченные, горящие глаза давали нам психологический заряд, помогавший играть почти без перерыва несколько раз подряд.

Часто во время спектакля раздавалась команда: «Рота лейтенанта такого-то, на выход!». Тихо, стараясь не шуметь, бойцы выходили из зала. Спектакль продолжался. Их места занимали другие, недавно вернувшиеся с передовой. Спектакль продолжался...

Я КАК актер родился на фронте. В сорок четвертом стал уже опытным, бывалым фронтовиком. Но и зритель изменился.

Спектакль «Осада Лейдена» И. Штока мы играли всю войну. Помню сорок второй год. Немцы наступают на всех фронтах. Слова «осада», «оборона» были созвучны тому военному времени. Мы верили в победу, но каждый из нас понимал, что до нее — долгий путь. И реакция зала была сдержанная, скрытая, молчаливая. В глазах зрителей — боль от потерь, от временного вынужденного отступления.

...Сорок четвертый. Бои шли в Румынии, Венгрии, Болгарии, Польше. Наша Родина была уже вне опасности; там восстанавливали

мирную жизнь. И зритель стал другим.

В этом спектакле есть одна комическая сцена. Тиль Уленшпигель и Ламма Рудзак (эту роль исполнял я) выручили из беды Нелли. Им удалось обмануть врага. Они ликуют. Ламма, попивая из фляги вино, танцует очень смешной танец. В сорок втором — в этот момент зал молчал. В сорок четвертом — ликовал вместе с нами. Любого, самого лютого и страшного врага можно победить. Ни один человек в зрительном зале в этом не сомневался. И наша победа была близка!

На передовой бойцы видели вокруг себя шинели, гимнастерки, сапоги. Окопы, блиндажи, землянки. Это война. А хотелось увидеть хотя бы кусочек мирной жизни: красивое довоенное платье актрисы, кокетливый локон, выбившийся из-под шляпки. Война близилась к концу, и солдатам снились другие сны.

Однажды после спектакля к нам подошел высокий статный молодой боец соединения морской пехоты. Увидев у одного из нас томик Мопассана, он сказал: «Слушай, артист, подари мне Мопассана. Так хочется что-нибудь почитать о любви». Он был героем, этот солдат. Отличился в недавнем рукопашном бою...

Мы уже не вздрагивали и не втягивали голову в плечи при каждом близком разрыве снаряда. А порой среди грохота пушек умудрялись еще и шутить.

Играли «Парня из нашего города» К. Симонова. В середине спектакля в небе появился самолет-разведчик «фокке-вульф». А за ним — два фашистских бомбардировщика. Прозвучала команда «воздух».

Я и Воронов (ныне народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии, актер Центрального детского театра) оказались распахнутыми рядом, голова к голове (он высокого роста, я — поменьше), он шепчет мне: «А ты знаешь, я тебе очень завидую. Если бомба упадет, то в тебя труднее попасть. Посмотри, сколько места ты занимаешь на земле и сколько я. Вот где внешние данные не в мою пользу».

Чувство юмора помогало в работе. После команды «отбой» мы продолжили спектакль с того места, на котором остановились. Эти вынужденные перерывы стали для нас делом привычным — почти как антракт в спектакле.

СКОРО 9 мая. Праздник Победы. Мы, оставшиеся в живых актеры пяти фронтовых театров ВТО, соберемся вместе. И вновь зазвучит репертуар тех лет...

Записала В. ОЛЕНСКАЯ.

17 APR 1985

Национальный архив

Р. Москва